

МЕСТО НЕ ВЫБИРАЮТ?

Разве что самым юным нашим согражданам надо представлять человека, запечатленного на этом снимке. Жизнь замечательного циркового артиста Леонида Енгибарова была несправедливо короткой. Но помнят его и благодарные зрители, и его друзья. Одному из них — народному артисту РСФСР Ролану БЫКОВУ — мы предоставляем слово.

ЛЕОНИД Енгибаров умер совершенно неожиданно. В пятницу мы встретились с ним и договорились, что поставим спектакль «Клоун и 100 девушек». Это был один из тех разговоров, которые прекрасны тем, что замыслы еще не оформлены и радуют своей новизной, незавершенностью, предполагаемыми возможностями. Через день мне позвонили (я был в Репино в Доме творчества) и сказали, что Леонид умер. Честно говоря, я даже сначала не поверил, подумал, что это еще одна Лёнина мистификация. Он любил иногда сообщать что-нибудь невероятное, а потом вместе посмеяться над нашей доверчивостью. Но я все-таки поехал в Москву. Приехал и узнал, что Лени действительно больше нет...

Похороны были какие-то суетливые. Я слышал, что место для могилы должен был заказать Иосиф Кобзон, но у него неожиданно заболели глаза (смерть Леонида подействовала на всех очень сильно). Тогда я сам помчался в Министерство культуры за разрешением похоронить Леонида Енгибарова на Ваганьковском кладбище. Мы часто ходили на могилу Сергея Есенина, когда Леня был жив, и, наверно, думалось мне, он хотел бы быть похороненным где-нибудь рядом с великим поэтом.

В министерстве меня спрашивали: «А почему это он должен быть похоронен на Ваганьковском кладбище?». Пришлось долго убеждать работников ведомства, что Леонид Енгибаров — один из выдающихся артистов мира. Но они не понимали или не хотели понять и отвечали бесцветными голосами: «Ну и что?». Не помню, кажется, я даже кричал, ругался. Наконец разрешение мне дали, и я примчался с этой бумагой на Ваганьковское. Какой-то важный человек, по-моему, директор кладбища, повел меня в самый дальний, заброшенный угол своего «владения» и показал место для могилы Леонида. Я опять начал говорить: «Это же Енгибаров! Лучший артист цирка!..» Тогда он прервал меня короткой небрежной фразой, которая мне показалась чудовищной. «Место у нас не выбирают...» — сказал он.

Место не выбирают?! Ни на кладбище, ни в жизни? Страшно, что мы действительно долго

лишены были этой возможности. Но ведь находились хозяева, которые присваивали власть распоряжаться талантами, судьбами, жизнями, выбирать за других людей, где им жить — на родине или за границей, что и как делать, определять человеку место.

Я часто думал: Леня не умер, а погиб. Дело все в том, что Енгибаров — очень распространенный тип характера среди одаренных людей. Он был добрый и нежный до слез, пылкий и вспыльчивый до кулаков, отходчивый, эмоциональный, умный и очень смешливый (последнее составляло отличительную особенность его характера). Я не помню такого случая, чтобы мы не хохотали или не разыгрывали друг друга с утра до вечера, а то и всю ночь напролет, когда собирались вместе. — Леонид Енгибаров, Олег Стриженов и я. Нам никогда не было скучно, наоборот, не хватало времени, чтобы наговориться. Все трое были тогда молодые, здоровые, могли не спать по нескольку суток, много работать и даже не замечать перегрузок.

Как многие одаренные люди, Леня был легкораним. в нем жило трагическое ощущение жизни, на что имелось, конечно, основания. Енгибарову пришлось уйти из цирка, где он сделал самого себя, получил имя. Из-за чего? Да, казалось, из-за пустяков: все время запрещали Лёнины репризы. Обладателю золотой медали на мировом конкурсе клоунов приходилось мириться с тем, что дорога ему всюду перекрыта. Фактически Енгибарова изгнали из цирка в результате бесконечной мелочной травли.

Тогда он создал свой коллектив. Была, казалось бы, маленькая разница, какую из двух афиш подписать: «Театр Енгибарова» или «Ансамбль Енгибарова». Так вот, один из тех, кто при жизни травил Леонида, а после его смерти у могилы назвал «своим учеником», подписал афишу «Ансамбль Л. Енгибарова». Боже мой, да если бы дело было только в названии! По существу, весь театр ставился под вопрос. Вот как у нас получается. Человек только афишу подписывает и больше вроде бы ничего, а на самом деле сидит на перекрестке важных интересов, от которых зависит идея, и права, и возможности. Судьбы и жизни.

А ведь Леонид Енгибаров сделал революцию в своем деле. Лёне удавалось счастливо сочетать в клоунстве пластическое актерское мастерство с классическим искусством переживания. И его пантомимы превращались в маленькие спектакли особого жанра, получая новое философское осмысление. Думаю, что такое явление не было случайным, в нем выразилось требование времени, когда люди приходили к необходимости обобщений извне философского, общечеловеческого порядка, стоящих над политическими соображениями.

Вспоминаю, как мы познакомились с Леонидом. Я тогда снимался в фильме «Шинель» и случайно обратил внимание на гастрольную афишу армянского цирка. Епервые увидев Енгибарова на арене, я был потрясен его грустным трюком. Леня изображал человека, который искал место, где бы можно было отдохнуть, а на арене шла перестановка реквизита. Клоун у всех путался под ногами, и его отовсюду прогоняли. Наконец Леонид вылезал уже за пределы арены, укладывался спать в

зрительном зале, но оказывалось, что и там он кому-то мешает. Так получалось, что мим нигде не мог найти свободного уголка. Тогда Енгибаров вновь выходил на арену, молча удивлялся: «Как же так? Кому я мешаю? Почему у меня нет своего места?» Потом Леонид медленно уходил, показывая всем своим видом: не надо хлопотать — это вовсе не смешно, а грустно. Такая концовка репризы вызывала еще большую бурю восторга...

То было время, когда еще только рождался образ Енгибарова: штаны с одной бретелькой, шарфик на шее, шляпка, а главное — он выступал без маски, со всем лицом. В тот вечер, потрясенный грустной философией спектакля, я вбежал в гримерную во время антракта, увидел Леонида и сказал ему: «Вы — гений!». Он мне ответил: «Вы — тоже!». Мы тогда были молоды и щедры на оценки. Так началась наша дружба. И я понял, что судьба подарила мне одно из самых драгоценных моих знакомств...

Записал А. МИЛОСЕДОВ.